

УДК: 811.16'373.232.1

Dehtiarova Larissa

senior lecturer of the department of Germanic philology,

Sumy State University

Дегтярева Лариса Ивановна

старший преподаватель кафедры германской филологии,

Сумский государственный университет

GUSTATIVE REVERBERATION IN THE BREAD ANTHROPONYMS ГУСТАТИВНАЯ РЕВЕРБЕРАЦИЯ В ХЛЕБНЫХ АНТРОПОНИМАХ

The article investigates ethnolinguistic taxonomy of Slavonic bread anthroponyms. The author introduces the term “gustative reverberation” with the help of which she tries to reveal background information and some associations connected with BREAD concept. The author is guided by the telephone directories data of Ukraine, Russia, Poland, German, explanatory and etymological dictionaries. While analyzing Slavonic onomasticon, the author comes to the conclusion that pragmatonyms and anthroponyms of the lexical group bread are the integral parts of conceptual sphere of Slavonic linguoculture. They reflect national mentality and are connected with the notion of profession, prosperity and dreams of a nation. The notion of bread is a universal and connecting link among different linguocultures.

Key words: *gustative reverberation, anthroponym, linguoculture, conceptsphere, onomastikon, connotative.*

В статье исследуется этнолингвистическая таксономия славянских хлебных антропонимов. Автором введен термин «густативная реверберация», с помощью которого он пытается выявить фоновую информацию и ряд ассоциаций, связанных с концептосферой ХЛЕБ. В статье автор опирается на данные телефонных справочников стран Украины, России, Польши, Германии, толковых и этимологических словарей. Анализируя славянский ономастикон, автор приходит к выводу, что прагматонимы и антропонимы лексической группы хлеб являются неотъемлемой частью концептосферы славянской лингвокультуры, отражают национальный менталитет, связаны с представлениями о профессии, зажиточности и мечтах народа. Понятие хлеб является универсальным и объединяющим звеном между разными лингвокультурами.

Ключевые слова: густативная реверберация, антропоним, лингвокультура, концептосфера, ономастикон, коннотативный.

Хлебушка калачу дедушка (ржаной пшеничному).

Во все времена человечество утверждало имена в качестве атрибутивных субстанций, которые при любой смене явлений оставались неизменными, и для составления общечеловеческой формулы о значимости имен и связанной с каждой из них духовной и психофизической структурой признавало, как объективное, так и субъективное их восприятие. *Целью статьи* есть исследование этнолингвистической таксономии славянских хлебных антропонимов путем выявления фоновой информации и ряда ассоциаций, связанных с ними и являющимися объектами когнитивного восприятия славянских народов. Изучение истории возникновения онимов в диахроническом аспекте позволяет решить *лингвокультурологические задачи*: – изучить хлебные антропонимы в связи с традициями и обычаями в славянской культуре; рассмотреть механизмы их преобразований и функционирование реальных объектов группы ХЛЕБ в структуре имен; исследовать, как посредством лингвистических средств через народное творчество воспринимаемый объект – *хлеб* реверберируется в онимах. «Под термином реверберация мы понимаем в данном исследовании отражение первоначального значения объектов в виде колебательной системы с разнообразным количеством собственных частот в поэтично-песенном народном творчестве, а также в поговорках, пословицах, паремиях и постепенного уменьшения этого значения в ономастиконе» [11]. Разнородные аспекты концептосферы ХЛЕБ анализировались в работах ученых Н. А. Решке, В. П. Синячкина, Л. Р. Ермаковой, проблемы ономастикона исследовали А. И. Антышев, С. В. Веселовский, А. А. Введенская, С. Н. Булгаков и др.

Праславяне, обособившиеся от других индоевропейских племен, занимали обширную территорию от Дуная до Эльбы и от Балтийского моря до Карпат и делились на ближайшие родственные племена, говорившими на

общем славянском языке, но с диалектными отличиями. Также, как «аргумент лосося» и «буковый аргумент», все славянские племена объединяет слово *хлеб*, происходящее от праслав. *xlěbъ* (др.-рус. *хлѣбъ*, ст.-слав. *хлѣбъ*, русск., белор. *хлеб*, укр. *хліб*, болг. *хляб*, польск. *chleb*, верхнелуж. *chlěb*, нижнелуж. *klěb*, сербск. *хлеб* (*hleb*), чешск. *chléb*, словацк. *chlieb*) [24]; ментальное отношение к хлебу; легенды о хлебе; хлебные поговорки и ономы. Лингвисты предполагают заимствование из готского языка *hlaifs*, др.-исл. *hléifr* – *хлеб*, приводя в качестве аргумента строку на готском языке из «Библии Вульфилы» [3]: *hlaiƿ unsarana þana sinteinan gif uns himma daga* – *хлѣбъ нашъ насоуцьныи даи намъ* [12]

Митрополит Иларион (Огиенко) подчеркивает антропоморфичность верований праславян: «Оці три елемента: анімітизм – оживлення, анімізм – одухотворення й антропоморфізм – очоловічення, – становлять основу давнішнього дохристиянського вірування, це бачимо в усьому житті і в усіх віруваннях давньої людини, бо все: сонце, зорі, місяць, вогонь, вода, рослини, звірини, каміння, дерева, вітер, зілля й т. ін., – усе це живе, має свою душу...» [16, с.3].

На севере и востоке современной Германии проживало множество славянских племен, в частности ободриты, переселившиеся еще в древние века в Новгородскую область. Учитывая, что жестокая борьба немцев со всем славянским на своих территориях привела к онемечиванию как самих славян, так и многих славянских топонимов, таких, как *Rostok*, *Schwerin*, *Lübeck*, а также замене многих славянских реалий чисто немецкими словами, можно предположить, что немецкое слово *Laib* (буханка хлеба) было заимствовано не из готского, а из праславянского языка. Для большинства европейцев хлеб является второстепенным блюдом, не несущим такого сакрального значения, как у славян. В древневерхненемецком языке еще нет слова *brauda*, *prot* – *Brot* (хлеб), а встречается как слово *fladen* – круглая лепешка из пресного ржаного теста, с дыркой посредине и слов *Laib*. В немецких этимологических словарях мы видим сомнение в германском происхождении слова *хлеб*: „Herkunft nicht

geklärt. Frühe Entlehnungen aus dem Germ. führen zu aslaw. *chlebъ* „Brot“, russ. *chleb* (хлеб) „Brot, Getreide“, lett. *klaips* „Laib Brot“, finn. *leipä* „Brot“ [1]. Скандинавы до 19 века вообще не знали дрожжевого хлеба. Поэтому квасной хлеб был типичен только для славянской кухни, где квас был излюбленным напитком, а в древневерхненемецком слово *kwis* имело значение *испортиться, уничтожить* [1]. В древневерхненемецком слово *toalke – schlecht gebackenes Brot* (плохо пропеченный хлеб); *missratene Arbeit* (неудачная работа) [1]. В славянском же ареале *толокно*, овсяное или ячменное, имеет мелиоративное значение, потому что из него пекли питательный вкусный хлеб, а из замешанного на охлажденной подсоленной воде *толокна* делали любимое блюдо детей *кулагу*, из загустевшего теста лепили животных. Эти слова легли в основу антропонимов *Толочко, Толоконников, Толокненко, Кулагин*.

В польском ономастиконе хлебные фамилии составляют небольшую часть на фоне других антропонимов. Больше всего в Польше носителей фамилии *Mazurek* (31390), *Mazurko* (23), *Mazurkowski* (16), которая может быть означать как жителя *Мазовии* или любителя танца *мазурки* (*mazurek*), так и образована от названия печенья с фруктовым и ореховым наполнением *мазурков* (*mazurek*). В польском ареале существуют такие антропонимы от видов хлебных изделий: *Bochenek* (9973), *Bochen* (1291), *Kołacz* (4803), *Kolakowski* (21), *Baranek* (2177), *Makowiecki* (1349), *Makowiec* (643), *Piernik* (557), *Piernikowski* (138), *Warkocz* (383), *Szneka* (49), *Sernik* (18), *Hleb* (4) от [5].

Л. Гумилев писал, что «в IV веке славяне являются соперниками готов и союзниками гунов и росоманов» [14]. Как ободриты, так и руги (Rugii), проживавшие на острове Рюген в Балтийском море, занимались земледелием и возделыванием зерновых культур, в частности проса и ржи. Русское слово *рожь* восходит к праслав. **rъžь*, которое возводят к диалектному пра-и.е. **rughis* (от него же англ. *Rye*, немецкое *Roggen*). В прусском языке *рожь* – *sirne* (зерно), *prasan* – *просо*. В финском языке традиционный ржаной хлеб – *ruisreikäleipä*, ржаной хлеб с дыркой, содержит компонент *leipä*, который возвращает нас к слову *хлеб*. В древнем диалекте фризов, германского племени

из группы ингвеонов, которые проживали по соседству с поморами вдоль Северного и Балтийского морей, хлеб тоже назывался словом *Hlêf*.

Трепетное отношение славян к еде породило в древности множество густативных антропонимов: *Блин, Блюд, Борц, Ватрослав, Горох, Доможир, Ждажир, Жировит, Жиромир, Жирослав/а, Жирота, Жирята* (жир – еда), *Калинка, Квасура, Квашня, Колоб, Радожар, Радожир, Порей, Сыт, Тюря, Хлебослав, Щедрик, Ячменёк*. Мечта простых людей вдоволь поесть, попить и погулять сохранилась в поговорках: *Не житье, а жира. Попалъ на жиру. Жира* (т.е. гульба) – *не страда: въ сапогахъ гуляет*. Антропоним *Глеб* (др.-рус. Г(ъ)лѣбъ) называют древнерусским мужским именем от древнескандинавского *Guðleifr* (*guð* – бог, *leifr* – наследник). Но имя *Глеб* этимологически связано со старославянским словом *глеба* – пашня, земля, почва, сохранившимся в польском языке с такими же значениями, и прославляет отношение к хлебу. Принимая во внимание чередование согласных *к-х-г* (*каравод* – *карагод* – *хоровод*; *калабудка* – *халабудка*) и выпадением гласных звуков (*голод* – *глад*, *мороз* – *мразь*, *мерзость*, *молоко* – *млечный*) в славянских языках слово *хлеб* – *клеб* – *глеб* может являться краткой формой *кливо* / *клево* от *коливо*, *каливо/а* (*кутья*) – поминального блюда в православных церквях, каши, сваренной из целых зёрен пшеницы (реже ячменя или других круп), политая мёдом, с которым связаны антропонимы *Кулеба, Кулебякин*, немецкая фамилия *Kaliebe*. Древневерхнемецкому слову с пейоративным оттенком *klīwō* – nhd. *Kleie* (отруби); ahd. *kleben* (клеить), *schmierem* (намазывать, пачкать) [1] противопоставляется мелиоративное значение старого русского слова *клевый* – ряз., тамб., твер., влад. *клюжий, клювый, хороший, пригожий, красивый, казистый, добротный; выгодный или полезный*, производного от *коливо* [10].

В чешском языке существуют такие обозначения хлеба, как *chlebíce, peřivo, potravina, živobyti, hostie*. Слово *hostie*, как и слово *oblaty*, считают латинизированной формой обрядового хлеба, который у православных христиан называется *опресноки* от старославянского слова *опрѣснѣкъ* – пресный, оно могло быть составляющей таких исчезнувших старославянских имен, как

Гостенег, Гостибор, Гостивар, Гостивит, Гостивой, Гостидраг, Гостил, Гостимил, Гостим, Гостимир, Гостирад, Гостислав, Гостиша, Гостомысл, Гостяй, Гостиата.

По предположению ученых хлеб появился на земле более пятнадцати тысяч лет назад. Составляя основу питания многих народов, хлеб, как наиболее сакральный вид пищи, реализуется в виде гиперонимов: растение, пища, продовольствие, еда, доля, благополучие; является источником жизни; издревле осмысливается в ментальном восприятии славян как Дар Божий в качестве некой судьбы, вместе с хлебом человек получает и счастье; символизирует труд, изобилие. Мелиоративные значения старославянских слов *хлювы* (величание), *лепота* – красота, великолепие, приличие; *лепо*, *лепоподобный*, *лепотно* – пристойно, подобно, хорошо; *лепший* – лучший, *клась* – колос, кушанье из незрелых пшеничных круп; *классный*, могут быть связаны с группой ХЛЕБ [17].

В славянской культуре концепт ХЛЕБ отражается как в художественной литературе, так и в песенном и устном народном творчестве. «Национальная культура питания ориентирована на определённые формы её существования. В своих сущностных характеристиках динамика глоттонии определяется и выражается господствующими в обществе архетипами. Для русской культуры важнейшим архетипом, связанным с культурой питания, выступает мифологема «хлеб». Действительно, символическую значимость данного продукта питания для русской нации трудно переоценить. И первостепенную роль здесь играет метафора «хлебосольные хозяева» [15]. В бытовых обрядах хлеб всегда объединяется с солью, подается на расшитом полотенце – рушнике с солонкой посредине, с чем связано много пословиц и поговорок: *Хлеб – дар Божий. Хлеб-соль не бранится (не бранит). Боронись хлебом-солью. Хлеб-соль есть, да не про вашу честь. Хлеб – всему голова. Хлеб да крупы на здоровье лупи. Плох обед, коли хлеба нет.* Хлеб требует к себе особо почтительного и почти религиозного отношения, в связи с чем возникло немало и суеверий. В славянских свадебных песнях Бог наделяет долей брачующихся и гостей в качестве *каравая*, в котором наряду с *каравайницами* принимают также участие

Богородица и Иисус Христос. *Каравай / коровай, коровушка* – общеславянское название круглого обрядового хлеба, выпекавшегося в древности с коровьей «головой» из теста (бел. *яловіца*, укр. *бичок, гуска, козуля*, пол. *byczek, gaska*). Второе название этого свадебного хлеба *калач / колач* восходит к старославянскому слову *kolac, kolo* – круг (серб. *kruh, kruw, leb, lebac* – хлеб). Пекари, изготавливавшие этот вид хлеба, получили фамилии *Каравай, Караваев, Каравайцев, Каравайный, Каравашкин, Калач, Калачев, Калашник, Калачевский, Калаченко, Калачик/ов, Калачный, Калачихин, Калашник/ов, Кулинич, Колос, Колосов, Колосков*. В обрядах разных славянских племен свадебный хлеб носил коннотативные названия: *дивень, дивосил, диванка* от слова *диво, девясил* – 9 сил; *меденик; круглик; курник*, который подавался в основном к царскому столу, на пирах в особо торжественных случаях. С этими словами связаны антропонимы *Дивний, Дивнов, Дивня, Кругляк, Кругляков, Круглик, Курников, Курник, Курниченко, Курниченков*.

Круглый ржаной хлеб называли *ярушником* в честь солнца, а кашу приносили в жертву солнцу. Новорожденному на Руси обязательно давали кашу, которая считалась жидким хлебом и такой же сакраментальной пищей, что подтверждается поговорками и антропонимами: *Хлеб да каша – пища наша. Кашу маслом не испортишь. Кашевар живет сытнее князя*. На Руси было три клятвы: хлебом, предками и солнцем. Хлеб, молоко и каша почти всегда являются пищей / брашном сказочных героев. Носители антропонимов *Кашин, Кашевко, Кашенко, Кашица, Кашицкий, Кашка, Кашкер, Кашкин, Кашеваров, Кашкер, Крупа, Крупский, Круповский, Крупчанский, Гречка/о, Гречаный, Гречнев, Мана, Пшеничный, Пшонка, Пшонтовский, Солод, Солодун, Солодов, Солодовник, Солоденко, Толочко, Яровой, Ярошенко* были землепашцами, кухарями, пекарями и соблюдали все ритуалы. На юге Руси хлеб называли *збожье* или *богатье*. В христианстве хлеб играет центральную роль в таинстве Святого Причастия, а сам Господь – хлеб жизни. Обожествление хлеба отражено и в современных языках: в белорусском *хлеб – збожжа* и в польском – *bochenek*, которое является производным слова *bog/h* и пришло в русский как

буханка, ставшее основой для фамилий: Бухандин, Буханевич, Буханенко, Буханец Буханик, Буханин Буханкин, Буханко/в, Буханок, Буханский, Буханцев, Буханченко, Буханько, Божко.

Ернст Людемманн называет в своей книге Украину хлебной житницей: «*Die Ukraine war bekanntlich die Kornkammer des Zarenreiches und eines der ertragreichsten Landwirtschaftsgebiete Europas*» [4, с. 32]. С связи с этим утверждением он выводит два основных подтипа украинской внешности, подчеркивая, что в черноземных областях люди коренастее и плотнее и отличаются своим гостеприимством: «*Im Schwarzerdegebiet der südlichen Mitte gelten die eher stämmigen, breitgesichtigen Menschen als phlegmatischer, gelassener, mit besonders stark ausgeprägter Gastfreundlichkeit und Großzügigkeit, was auf die früher stets gesicherten reichen Ernten der Bauern hindeutet*» [4, с. 23].

Густативная реверберация хлебных антропонимов обладает продуктивным потенциалом для выявления корреляций между лингвокультурной семантикой и ономастиком черномоземных регионов, где исконно возделывается хлеб, и отражает менталитет народа. Поскольку в ходе истории при формировании национальной кухни появились определенные виды хлебобулочных изделий, вкусовые предпочтения и традиции, то в процессе вербализации все это создает структурно-смысловые образования, несущие в себе национальную культурно-историческую информацию и эмоциональную нагрузку, вписываясь в константный концептуальный каркас ХЛЕБ, состоящий из названий хлеба славян, поговорок, песен и антропонимов. «Хлеб на Руси есть все, именно в славянских языках он, старославянское «жито» отождествляется с самой жизнью. Также русский феномен – обилие *караваев, ковриг, коржей, бубликов, сушек, баранок, сухарей, пряников, козуль, ватрушек, пирожков, пирогов, расстегаев, кулебяк, вареников, блинов* и прочего, чего просто нет в индоевропейской (как, впрочем, и в любой другой) кухне» [22, с.211]. Поскольку основным хлебным знаком простых людей, из муки которого пекли черный хлеб, была *рожь, жито*, это отразилось в поговорках: *Матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору. Красно поле рожью. Ржаная*

каша сама себя хвалит. Ржаной хлеб – всему голова. Рожь–жито персонифицируется в песенном творчестве в черных глазах возлюбленной: *Жито, мамцю..., Жито не полова... Жито не пшеиця... Жито-колосочки... Як дівчину не любити, Коли чорні очки!* [23]. Пристрастие и уважение к черному хлебу реверберируется в антропонимах фамилий: *Жито, Житко/в, Житоваб, Житомир, Житченко, Доброжит, Ржаной, Ржаний, Ржаненко, Ржаников, Ржаницын, Ржанков, Ржанов, Ржанский, Ржанных, Рожков, Рожка, Рожко, Роживец, Рожнятовский*. Столь же популярным был и ячмень, самый неприхотливый, морозоустойчивый злак, культивировавшийся в северных районах Руси, что подтверждают фамилии: *Ячменва, Ячменев, Ячменик, Ячменников, Ячменный, Ячменцев, Ячменихин, Ячменюк, Ячминский*. Огромное количество гипонимов лексико-семантической группы ХЛЕБ легло в основу многочисленных густативных антропонимов и их вариаций: *Баранник, Баранкин, Ватруж/шка, Ватруж/шкин, Ватруха, Ватрушин, Кинаш, Кныш, Корж, Коржов, Корженко, Мякишев, Мякишин, Макуха, Опара, Опаренко, Паска, Пасько, Пирог, Пирогов, Пироженко, Пирожок, Пироцкий, Прянишников, Пряников, Паляница, Ковригин, Ковриженко*.

Необходимо также отметить этнокультурный компонент добавочных коннотативных значений в хлебных фамилиях, которые приобретаются под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, отражают специфическое национальное восприятие хлебных изделий и меняются с течением времени. Суффиксальные словообразовательные модели, по которым образуются имена существительные, включает продуктивные диминутивные мелиоративные *хлебушка/о, хлебец, хлебчик* и пейоративные подтипы *хлебишка, хлебина, хлебище, хлебальник* (сиб. большой круглый пирог с капустой, морковью, из коего начинку выхлебывают ложками) [10], но и при помощи добавления других дериватов отображают оценочно-стилистическую семантическую окраску антропонимов: *Хлебешко, Хлебовчик, Хлебушкин, Твердохлеб, Сухохлеб, Доброхлеб, Безкоровайный*. От названия сдобного пирожка овальной формы с ягодами или вареньем с диминутивным суффиксом

левашки появились антропонимы *Левашеня, Левашин, Левашкин, Левашко, Левашов, Левашников*. Компонент гендиадиса в названии коржей с маком – *трынды-рынды* мог стать основой антропонимов *Риндя, Ри/ындин*.

Многие коннотативные значения субъективного характера соединяют в антропонимах сведения о мире, информацию из легенд и сказаний с эмотивным восприятием и отношением людей к обозначаемому: *Каравайкин, Каравайцев, Каравашкин* от *караваец* – крутая каша, запеченная в миске, *каравайцы* – пшеничные блины, *каравашка* – хлебец из смеси ржаной и ячной муки; *Ала/ябьев* от *алабыш/алябиш* – пирожок, пышка, оладья; *Калабухов, Калабушкин* от *калабушка*, тул. тамб. *калабашек*, сиб. *колоб, колобок*, лепешка, хлебный ком, хлебец из поскребков квашни; *бабашки с маком* – *Бабашкин, Бабашко, Бабушкин. Валенцов, Валенюк, Валеня* от *валенец* – в старой русской кухне вид пшеничной булки-сайки, которую выпекал простой народ; ситный или пшеничный хлебец, вываленный в муке. Слово *сайка* от старославянского *сай* – лето стало основой для фамилий *Сай, Сайка, Сайко, Саенко, Сайкин, Сайков, Саенко*.

Многослойная информация реверберуется в сознании и ментальности субъектов посредством смысловых ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных компонентов. Например, фамилии *Любка, Любкевич, Любкивская, Любкин, Любко, Любков, Любковский* могут быть реже связаны с онимом *Люба, Любовь*, поскольку матронимы были нетипичными для славянской культуры. Этот антропоним связан с названием овальных свадебных лепешек, оладьев из пышного теста – *любки*, которые запекались в честь новобрачных и были сокровенным жертвоприношением Любу – духу-хранителю брачного ложа. Южнославянские антропонимы *Лебедюк, Лебедянов, Лебедянский, Лебедянцев* могут свидетельствовать как о качествах внешности или характера человека, так и о его профессии. Субъект мог изготавливать или любить чистое, белое хлебное вино – *лебедянку*.

Коннотативные, чаще пейоративные, антропонимы *Пырьев, Пырин, Пыринец, Пыринов, Пыряев* могут характеризовать не только качества характера

беспольного, неумелого, прилипчивого, назойливого человека, но и его пристрастие к алкоголю, что является свидетельством циркуляции реверберации, когда денотат *пырей* – род злаков, включающий около 100 видов многолетних травянистых растений, через отрицательное обозначение злостного огородного сорняка переходит в название старинной украинской крепкой настойки *пыреёвки*, рецепт которой сохранился только в старинных песнях. *Пырей*, как пищевое растение, не раз выручал людей в самые трудные времена, из корневища которого получали муку, не уступающую по питательности пшеничной, выпекали хлеб, лепешки, пряники и другие мучные изделия и варили кашу.

Лексическо-семантическая группа ХЛЕБ обладает стойкими синтагматическими связями между разноуровневыми языковыми единицами, реверберуется денотативно и коннотативно в большом количестве антропонимов. Прагматонимы и антропонимы лексической группы ХЛЕБ являются неотъемлемой частью концептосферы славянской лингвокультуры и, отражая национальный менталитет, связаны с представлениями о профессии, зажиточности и мечтах народа: *А без хлеба и харчу не хочу*. Поскольку виды хлебобулочных изделий, как излюбленная еда, являются частью народного фольклора и сказок, частью религиозных обрядов, то хлебные онимы тоже получают сакраментальное пространство, коммуникативную информацию, особенную эмоциональную окраску и густативные ощущения. Необходимо исследовать связь названий хлебобулочных изделий у разных этносов и их реверберацию в местных ономастиконах. Понятие ХЛЕБ является универсальным и объединяющим звеном между разными лингвокультурами.

Литература:

1. DWDS–Wörterbuch// Режим доступа (свободный): URL: <http://www.dwds.de/?qu=Laib>// [Дата обращения: 24.03.2016].
2. Duden, Band 7. Herkunftswörterbuch – Dudenverlag. Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich, 1989. – 839 S.

3. Gothic Rosary Prayers/ Atta Unsar / Our Father / The Lord's Prayer// Режим доступа (свободный): URL: http://www.marysrosaries.com/Gothic_prayers.html// [Дата обращения: 24.02.2016].
4. Lüdemann Ernst. Ukraine/ Ernst Lüdemann. – 2-, aktualisierte Aufl. – München : Beck, 2001 – 219 S.
5. MOIKREWNI.pl// Режим доступа (свободный): URL: <http://www.moikrewni.pl/пара/> [Дата обращения: 24.03.2016].
7. Булгаков С. Н. Философия имени. М., 1992. – 469 с.
8. Веселовский С. В. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. – 382 с.
9. Введенская А. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. М., 1984. – 115с.
10. Даль Владимир. Толковый словарь живого великого русского языка. Санкт-Петербург : издательство «Диамант», 1998 г. – т.1, 699 с., т.2, 779 с., т.4, 683 с.
11. Дегтярева Л. И. Густативная реверберация в молочных фамилиях. – Майкоп, 2014. – 22с.
12. Добро есть. Текст молитвы. Острожская Библия 1581// Режим доступа (свободный): URL: <http://christian.dobro-est.com/molitvyi/molitva-otche-nash.html> // [Дата обращения: 24.03.2016].
13. Волков В. К., Петрухин В. Я., Рогов А. И., Толстая С. М., Флоря Б. Н. Очерки истории культуры славян. Российская академия наук: Институт славяноведения и балканистики. Москва: издательство «Индрик», 1996г. – 494с.
14. Л. Гумилев. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению// Режим доступа (свободный): URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/70500/24/Gumilev_-_Konec_i_vnov%27_nachalo._Populyarnye_lekcii_po_narodovedeniyu.html// [Дата обращения: 24.03.2016].
15. Ермакова Л. Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер// Режим доступа (свободный): URL: <http://cheloveknauka.com/glyuttonicheskie-pragmatonimy-i-natsionalnyu-harakter/> [Дата обращения: 24.03.2016].

16. Митрополит Іларіон (Огієнко). Дохристиянські вірування українського народу. Історико-релігійна монографія. 1965// Режим доступа (свободный): URL:
http://risu.org.ua/php_uploads/files/articles/ArticleFiles_50869_mytrIlarion_Doxrystujanski-viruvannia.pdf// [Дата обращения: 24.03.2016].
17. Полный церковно-славянский словарь// Режим доступа (свободный): URL:
<http://www.orthodic.org/>// [Дата обращения: 24.03.2016].
18. Н. А. Решке. Концепт «ХЛЕБ / BREAD» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей// <http://www.dissercat.com/content/kontsept-khleb-v-russkom-yazyke-lingvokulturologicheskie-aspekty-opisaniya#ixzz447NhjgTN>// [Дата обращения: 24.03.2016].
19. Русские поговорки и пословицы. Москва: издательство «Художественная литература», 1988. – 431 с.
20. Синячкин В. П. Концепт "Хлеб" в русском языке, лингвокультурологические аспекты описания// Режим доступа (свободный): URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-khleb-v-russkom-yazyke-lingvokulturologicheskie-aspekty-opisaniya#ixzz447NpRfxF>// [Дата обращения: 24.03.2016]
21. Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях / Н. Ф. Сумцов// Режим доступа (свободный): URL: <http://elib.nplu.org/object.html?id=3548>// [Дата обращения: 24.03.2016]
22. Тулупов А. Род Севера. Русские гиперборейцы. ООО «Издательство Алгоритм», 2012. – 500 с.
23. Українські народні жартівливі пісні. Київ: видавництво «Музична Україна», 1989. – 135с.
24. Этимологический словарь Фасмера. /Макс Фасмер// Режим доступа (свободный): URL: <http://vasmer.narod.ru/> [Дата обращения: 24.03.2016].

Дегтярева, Л.И. Густативная реверберация в хлебных антропонимах [Текст]
/Л.И. Дегтярева // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European
Scientific Journal) # 7, EESJ_7/2. – 2016. – С.98-102